Международные процессы, Том 15, № 2, сс. 133–149
DOI 10.17994/IT.2017.15.2.49.9

ЕВРОПЕЙСКОЕ НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ

*ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОПОРЫ**

ДАРЬЯ ТАЛАГАЕВА
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В статье анализируются основные этапы формирования и становления европейского научного сообщества в качестве политического субъекта. Обзор политологических исследований свидетельствует, что в современной науке наблюдается расширение понимания субъектности. Обладание ей приписывается не только транснациональным корпорациям и другим негосударственным организациям, но и эпистемическим сообществам (под которыми понимаются объединения, основанные на обладании общим знанием). Последнее позволяет рассматривать в качестве субъектов коллективы учёных при условии их представления объединениями, которые выступают от имени научного сообщества и обладают способностью оказывать влияние на политический процесс. Для того чтобы охарактеризовать европейское научное сообщество в качестве политического субъекта, необходимо выявить институциональные объединения, действующие от его имени, аналогично тому как национальные научные организации действуют от имени исследовательских сообществ отдельных стран. В качестве такого объединения может рассматриваться система институтов научной политики Европейского Союза. В рамках её оформления предпринималась не только попытка выделения европейского научного сообщества в качестве самостоятельной общности, но даже её противопоставления научным сообществам государств–членов интеграционной группировки. Одной из исторических предпосылок такого противопоставления выступали различия в степени усвоения отдельными странами послевоенной Европы американской модели организации науки. Учёные, стремившиеся добиться профессиональной самореализации на уровне интегрированной Европы, были в большей степени открыты влиянию опыта Соединённых Штатов. В дальнейшем сформировавшиеся связи сохранились, что проявилось, в частности, в преимущественной ориентации европейских исследовательских программ на конкуренцию в глобальной академической среде.

В настоящее время европейские структуры поддержки научной деятельности в значительной степени интегрированы в Европейское исследовательское пространство (ЕИП). Оно может рассматриваться как опорная структура учёных, в наибольшей степени связанных с транснациональными корпорациями, что позволяет рассматривать европейское научное сообщество как объединение наиболее глобализированной части учёных европейского региона. Таким образом, в статье демонстрируется, что в качестве европейского научного сообщества может рассматриваться группа деятелей науки, обладающая особыми интересами, которые связаны с глобальной экономикой; особой институциональной структурой, в роли которой выступает система институтов ЕИП; и особым дискурсом, связанным с глобальной «экономикой знаний».

Ключевые слова:

научная политика; научное сообщество; Европейское исследовательское пространство; рамочные программы научно-технического развития.

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 16–18–10282.

Для связи с автором / Corresponding author:
Email: d.talagaeva@mail.ru

Стремительное расширение Европейского Союза в 2000-х годах привело к накоплению в интеграционной группировке множества противоречий, которые оставались в тени благоприятной хозяйственной конъюнктуры. Однако они резко обострились в ситуации социально-экономического кризиса. Одним из ключевых источников напряжённости выступил поиск баланса в соотношении европейской и национальных идентичностей граждан Европейского Союза – интериоризация европейской самоидентификации напрямую определяла их готовность поддержать политическое единство Европы. Как отмечает А.А. Байков: «...Процессы формирования общих политик интеграционных группировок наложились на благоприятный фон общественно-культурных представлений о единстве, в рамках которых реальное объединение... в формате интеграционного блока казалось не только желательным..., но и даже необходимым» [Байков 2014]. Европейские учёные представляют собой одну из групп, для которых решение вопроса о соотношении общеевропейской и национальной политик имеет принципиально значение.

Уже в силу рода деятельности они выступают носителями общей культуры, имеющей транснациональный характер. И особый язык науки, и установка на универсальность научного знания, и скептическое отношение к любым авторитетам, заложенное в нормах научного исследования [см. Торкунов 2017], – всё это создаёт предпосылки для дистанцирования от национальной культуры в ходе сближения с кругом зарубежных коллег. Соотношение влияния принадлежности к сообществу специалистов и к национальной культуре на идентичность исследователей зависит от множества факторов, которые российский психолог А.В. Юревич характеризует следующим образом: «...Национальные особенности науки проявляются во всех трёх компонентах научного познания – в его объекте, процессе и продукте, характеризуя как социогуманитарные, так и естественные науки. Но при этом проступают в них неравномерно, нарастая, *во-первых*, от естественных наук к социогуманитарным, *во-вторых*, от объекта, а затем продукта – к процессу научного познания, *в-третьих*, от когнитивной составляющей этого процесса – к социальной» [Юревич 2015: 131].

Результат научной деятельности в наименьшей степени обусловлен национальным влиянием, особенно в области точных наук. В свою очередь, наибольшей зависимостью характеризуется социальная организация науки. Учёные, статус которых определяется главным образом международно признанными результатами, менее зависимы от научной культуры отдельной страны, тогда как не признанные на международном уровне учёные попадают в зависимость от своего статуса в национальном научном сообществе. Существенное влияние на это соотношение оказало появление общеевропейских научных институтов, предоставивших учёным из государств–членов ЕС возможность обрести опорные для своей идентичности контакты не только на основе международного признания или достижений в национальной научной системе, но и благодаря связям с ними.

В настоящей статье европейское научное сообщество анализируется в качестве политического субъекта, функционирующего в системе других значимых игроков, определяющих развитие Европейского Союза – национальных государств, транснациональных корпораций, неправительственных организаций. Выявление субъектности требует определения круга интересов, свойственного учёным, ведущим деятельность преимущественно на транснациональном уровне и в силу этого составляющим ядро специфического сообщества, отличного от национальных научных сообществ государств–членов ЕС. Предпосылкой их локализации выступило становление модели «академического капитализма». Переход научных институтов к деятельности на основе рыночных принципов, заданных реформами последних трёх десятилетий, привело к выделению внутри исследовательских сообществ

групп с особыми экономическими интересами, связанными с расширением транснационального поля научной деятельности [Kauppinen, 2012].

Изучение этих групп предоставляет возможность определить ключевую линию размежевания внутри национальных научных сообществ – напряжение между учёными, ориентированными на глобальный академический дискурс, и исследователями, тесно связанными с национальными научными комплексами [Байков, Истомин 2015, 127]. Европейская модель примечательна тем, что предоставляет учёным-глобалистам возможность опираться на специфические наднациональные институты и с их помощью усиливать собственную политическую субъектность по сравнению со специалистами, работающими за пределами ЕС [Slaughter, Cantwell 2011]. Изучение европейского научного сообщества, тем не менее, сохраняет не только локальное, но и общетеоретическое значение для развития исследований научной политики [Каарбо, Бизли 2002].

1

Истоки теории субъектности в международных отношениях связаны с акционалистской школой социологии. Один из ее основателей, французский социолог А. Турен, определял социального игрока, исходя из следующих качеств: способности выступать от своего имени, способности быть признанным другим и принадлежности к определённой группе. При этом действия субъекта отражаются на окружающей среде, поскольку он обладает принципиальной возможностью изменять её [Touraine 2000: 903].

Таким образом, следуя критериям А. Турена, для того чтобы выделить некоторое действующее лицо, достаточно зафиксировать момент его воздействия на окружающую среду и доказать, что оно располагает способностью осуществить такое воздействие. В изучении мировой политики восприятие достижений акционалистской школы социологии привело к смещению внимания с межгосударственных отношений на взаимодействие других типов объединений и общностей.

Оно способствовало росту интереса к негосударственным транснациональным субъектам, вклад которых в международные отношения был впервые выявлен Р. Кохейном и Дж. Наем [Keohane, Nye 1971: 330]. В качестве примера такого рода игроков исследователи рассматривали в первую очередь транснациональные корпорации. В 1990-х годах представления о многообразии участников политических взаимодействий существенно расширились: в частности, Дж. Розенау предложил рассматривать мировую политику как сочетание системы межгосударственных отношений и полицентричной системы взаимодействий «несуверенных субъектов» (sovereignty-free actors) [Rosenau 1990]. Тенденция расширения круга рассматриваемых в международно-политических исследованиях игроков, по мнению М.М. Лебедевой, «позволяет гибко подходить к изменяющейся реальности и включать в рассмотрение тех участников, действующих на мировой арене, которые только выходят на позиции оказания существенного влияния на мировую политику» [Лебедева 2013: 39].

Важным дополнением к кругу субъектов, рассматриваемых политической наукой, стали выделенные П. Хаасом «эпистемические сообщества». В качестве таковых он предлагает рассматривать «сети (нередко транснациональные) экспертов, особый статус которых основывается на обладании определённым знанием и которые пользуются авторитетом, позволяющим им выдвигать авторитетные заключения по политически значимым вопросам в областях своей специализации» [Haas 2001, 21]. Хаас отмечает, что наиболее заметным представителем этого типа субъектов выступает научное сообщество, а Б. Хольцнер и Дж. Маркс утверждают, что в качестве эпистемических могут рассматриваться только сообщества, которым свойственна убеждённость в том, что оптимальный путь к истине – научный метод [Holzner 1979: 110].

2

По сравнению с другими эпистемическими сообществами научные круги располагают наиболее широким набором практик, позволяющих играть на политической арене самостоятельную роль. В то же время становление их субъектности зависит от уровня институционализации таких объединений.

На национальном уровне в качестве механизмов институционализации сообществ учёных часто выступают академии наук, которые представляют собой санкционированные государством образования, наделённые правом самостоятельно пополнять свой состав путём выборов. Как правило, академии обладают статусом консультативного органа, обязанного представлять заключения по вопросам, представляющим интерес для правительства. Роль представителей исследовательского сообщества также могут брать на себя национальные фонды поддержки науки. Примером такого института выступает Национальный научный фонд США [Коннов 2007].

По аналогии с приведёнными национальными практиками становление европейского научного сообщества как политического субъекта можно проследить через формирование его институтов. Их функционирование, в свою очередь, способствует вызреванию самосознания сообщества через определение его ориентиров и интересов, консолидацию контроля над доступными ресурсами и включение в политическую дискуссию в качестве участника, признанного другими субъектами.

На развитие институтов ЕС в сфере научной политики повлияли американские образцы. Подобное положение имеет историческую обусловленность. Европейские сообщества складывались в условиях доминантного влияния США в послевоенной Западной Европе – «американской гегемонии» [Krige 2006]. Если внутри отдельных стран эта гегемония сталкивалась с сопротивлением со стороны национальных политических систем и традиций, то в ходе интеграционного процесса институциональное строительство протекало на практически «вакантной» территории, гораздо более открытой внешнему влиянию.

Между тем стремление Соединённых Штатов и американских научных организаций оказывать влияние на европейское пространство проявлялось достаточно открыто: «Опираясь одновременно на научное превосходство и экономико-политическую мощь, деятели науки, среди которых были и официальные представители администрации США, и служащие таких организаций, как фонды Форда и Рокфеллера, не просто “делились” научными знаниями или “рекламировали” американские ценности за рубежом; они прилагали усилия к тому, чтобы *преобразовать* европейский научный ландшафт и построить атлантическое сообщество с общими практиками и ценностями под предводительством США» [Krige 2006: 3].

Отправной точкой истории научной политики Европейских сообществ можно полагать Соглашение о Европейском сообществе угля и стали 1951 года[1], в соответствии с которым сообщество должно было способствовать исследованию технологических и экономических процессов в угольной и сталелитейной промышленности. Тем не менее с точки зрения развития научной коллаборации более значимым стало подписание в 1951 г. соглашения о Европейском совете ядерных исследований (ЦЕРН)[2] с целью создания совместной атомной лаборатории. Атомная физика стала в послевоенный период наиболее влиятельной научной дисциплиной, а её развитие требовало сооружения всё более и более масштабных установок. Их стоимость выходила за пределы возможностей отдельных европейских стран.

[1] Соглашение о ЕОУС 1951 г. URL: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/SK/TXT/?uri=uriserv:xy0022 Accessed 12.04.2018

[2] Соглашение о ЦЕРН 1951 г. URL: https://council.web.cern.ch/council/en/EuropeanStrategy/ESConvention.html Accessed 12.04.2018

Таким образом, складывались условия, при которых представители наиболее престижной научной области оказывались в прямой зависимости от перспектив европейского сотрудничества, что делало их естественными сторонниками интеграции. Учитывая же, что другие научные направления стремились использовать достижения физики для обоснования увеличения собственного финансирования, инициативы атомщиков способствовали росту популярности интеграционных идей в научном сообществе в целом [см. Касаткин, Талагаева 2016].

Созданное в 1957 г. Европейское сообщество по атомной энергии было ориентировано на создание единой атомной энергетической отрасли в масштабах региона[3]. Однако довольно скоро выяснилось, что первоначальные планы не учитывали нежелание европейских стран расстаться с контролем над технологиями, прямо связанными с вопросами безопасности, и в результате на первый план вышла научно-исследовательская составляющая сотрудничества. Под эгидой Евратома был создан Совместный центр ядерных исследований, в структуру которого вошёл ряд лабораторий Италии, Бельгии, Германии, Голландии.

В рамках следующего этапа в формировании объединённой Европы – Договора 1957 года, учреждавшего Европейское экономическое сообщество[4], научные исследования упоминались лишь в качестве составляющей общей сельскохозяйственной политики. Возможность же создания общеевропейской научной политики в широком смысле этого понятия была заложена ст. 235 Договора о ЕЭС, которая предусматривала право Совета сообщества участвовать в регулировании сфер, прямо не упомянутых в договоре, в том случае, если такое участие будет необходимым для достижения его целей.

К 1980-м годам ЕЭС осуществляло уже ряд научно-технических программ: *ESPRIT* (*European Strategic Programme in Research in Information Technology*) в области информационных технологий, *RACE* (*Research and Communication Evaluation*) – в области коммуникационных, *BRITE* (*Basic Research in Industrial Technologies for Europe*)– промышленных, и некоторые другие. В 1983 г. было решено свести их все в единую Первую рамочную программу научно-технического развития. В Едином европейском акте 1986 г.[5] эта форма получила закрепление в качестве главного инструмента научно-исследовательской политики, благодаря чему вторая рамочная программа, запланированная на срок с 1987 по 1991 год, основывалась на прочном юридическом фундаменте. Программа была прямо нацелена на упрочение взаимодействия научных коллективов и органов Европейских сообществ на наднациональном уровне, обеспечивая таким образом формирование научного сообщества с европейской идентичностью.

В связи с появлением в Едином европейском акте «политики сплочённости» ЕЭС получило полномочия принимать участие в «исследованиях, которые способствуют усилению социально-экономической сплочённости Европы, а также продвижению гармоничного и широкого развития при одновременной приверженности цели научно-технического качества» [Council of the European Communities 1987]. Под влиянием этого положения Третья рамочная программа[6], утверждённая сроком на пять лет с бюджетом в 5,7 млрд ЭКЮ, включала в себя три стратегических на-

[3] Договор о Еврате 1957 г. URL:http://eu.lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/?uri=CELEX%3A12012A%2FTXT Accessed 12.04.2018

[4] Договоры о ЕЭС 1957 г. URL: http://www.ab.gov.tr/files/ardb/evt/1_avrupa_birligi/1_3_antlasmalar/1_3_1_kurucu_antlasmalar/1957_treaty_establishing_eec.pdf Accessed 3.02.2018

[5] Единый Европейский Акт 1986 г. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/SingleEuropeanAct_Crest.pdf Accessed 2.02.2018

[6] 3-я Рамочная программа ЕС. URL: https://cordis.europa.eu/programme/rcn/267_en.html Accessed 10.04.2018

правления – «менеджмент природных ресурсов», «менеджмент интеллектуальных ресурсов» и «внедрение технологий».

Если в Едином европейском акте говорилось о цели «укрепления научно-технологического базиса индустрии Сообщества и поощрении роста его конкурентоспособности на международном уровне», то подписанный в 1992 г. Маастрихтский договор[7] расширил это положение, декларируя продвижение любой из политик Союза: «при одновременном продвижении всей исследовательской деятельности, расцененной как необходимой в силу других глав настоящего Договора».

Четвёртая рамочная программа[8] (1994–1998) располагала значительно возросшим бюджетом – 13,2 млрд ЭКЮ, и среди её приоритетов также фигурировала координация национальных научных политик, предпринимаемая на уровне Сообщества. В Амстердамском договоре 1997 г.[9] содержалась отдельная глава по научной политике, которая повысила политический статус рамочных программ, отнеся их к кругу вопросов, решение по которым принимается совместно Европейским парламентом и Советом ЕС.

Бюджет пятой рамочной программы[10] (1998–2002), которая разрабатывалась уже после создания Европейского Союза, составил 15 млрд евро. Она выдвигала набор тематик, представлявших интерес именно с точки зрения ЕС и к тому же предусматривала ряд горизонтальных инициатив, в рамках которых европейские научные коллективы совместно с коммерческими предприятиями должны были создать инновационные группы, способные завоевать международное признание в качестве представителей объединённой Европы.

Характерной чертой пятой рамочной программы явилась передача права принимать решения о финансировании конкретных проектов сотрудникам Еврокомиссии. В этом плане новый механизм повторял опыт Национального научного фонда (ННФ) и других американских ведомств, финансирующих научные исследования, в которых основные решения принимаются администраторами, в то время как учёные, выступающие в роли привлечённых экспертов, играют консультативную роль [Коннов 2009: 97]. В аналогичных организациях европейских стран, например в Немецком научно-исследовательском сообществе, право решения фактически делегируется экспертам [Водяницкая 2012: 230]. К преимуществам модели, принятой в ННФ, как правило, относят возможность администратора учитывать тематические приоритеты организации, предоставляющей финансирование, поддерживать революционные проекты, отклоняющиеся от устоявшихся научных воззрений, а также исключать повторяющие друг друга исследования. Именно необходимость создать условия для эффективного решения этих задач послужила основным аргументом в пользу построения Европейского исследовательского пространства (ЕИП).

ЕИП было объявлено в качестве приоритетной цели общеевропейской научной политики в январе 2000 г. в коммюнике Еврокомиссии «На пути к Европейскому исследовательскому пространству» отмечавшем, что в ЕС сохранялась мозаика плохо согласованных между собой научно-технических политик государств-членов [см. Талагаева, 2016]. Рамочные программы не столько способствовали их интеграции, сколько обеспечивали дополнитель-

[7] Маастрихтский договор 1992 г. URL: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3Axy0026 Accessed 4.02.2018

[8] 4-я Рамочная программа ЕС. URL: https://cordis.europa.eu/news/rcn/2474_en.html Accessed 2.03.2018

[9] Амстердамский договор ЕС 1997 г. URL: http://www.europarl.europa.eu/topics/treaty/pdf/amst-en.pdf Accessed 3.03,2018

[10] 5-я Рамочная программа ЕС. URL: https://www.prs.pl/research-and-development/prs-participation-in-eu-projects/other-eu-initiatives-and-programmes/5-framework-programme.html Accessed 13.04.2018

ную поддержку на отдельных направлениях. После выхода коммюнике вопрос формирования ЕИП стал ключевым компонентом Лиссабонской стратегии 2000 г.[11] В качестве главной задачи на этом пути рассматривалось создание юридических основ для оперативного решения проблем, возникающих в ходе финансирования и осуществления научной деятельности на наднациональном уровне, а также для координации работы ведомств научной политики государств-членов.

На этом фоне была принята шестая рамочная программа (2002–2006) с бюджетом 19 млрд евро, главной целью которой стало создание «европейской добавочной стоимости». Предусмотренные программой меры должны были концентрироваться на направлениях, в которых достижение результатов возможно только при условии транснационального сотрудничества. Данному критерию соответствовали ситуации, в которых потребность в финансовых и человеческих ресурсах превышала возможности отдельно взятой страны, в которых был возможен эффект экономии за счёт масштаба и в которых возникала необходимость сочетания уникальных навыков и конкурентных преимуществ представителей различных стран. Кроме того, программа допускала поддержку проектов, направленных на решение задач, сам характер которых предполагал необходимость выхода за пределы национальных границ.

Важной новацией шестой рамочной программы стал план ERA-NET, который был нацелен на создание условий для объединения усилий организаций, работающих над расширением международного участия в рамках отдельного исследовательского направления. При этом, в случае если указанное направление охватывало проблематику, выходящую за пределы ЕС (например, исследование Балтийского моря), то к участию в его освоении могли приглашаться страны, не состоящие в интеграционном объединении.

3

Подписанный в декабре 2007 г. Лиссабонский договор[12] впервые зафиксировал в учредительных документах ЕС признание научных исследований и разработок в качестве самостоятельного направления политики интеграционного объединения. Параллельно с официальным признанием был резко увеличен объём средств, выделяемых на поддержку науки – бюджет седьмой рамочной программы[13] (2007–2013) составил 53 млрд евро.

Рамочные программы сыграли определяющую роль в формировании европейской системы поддержки научных исследований. Особенность европейского финансирования заключалась в его концентрации на чётко сформулированные проекты, каждый из которых предполагал получение конкретных результатов. Более того, его целью изначально были прорывы на участках, характеризующихся аккумуляцией необходимых ресурсов. Подобный подход в большей степени позволил сфокусировать на рамочных программах внимание политиков и общественности, нежели на превосходящих их по размеру национальных научных бюджетах, большая часть которых шла на поддержание текущей деятельности в форме зарплат и вложений в инфраструктуру.

В настоящее время действует программа «Горизонт 2020»[14], в рамках которой устоявшийся термин «рамочная программа научно-технического развития» был заменён на «рамочная программа исследований и

[11] Лиссабонская стратегия от 2000 г. URL: http://www.ipe.ro/rjef/rjef1_06/rjef1_06_6.pdf Accessed 12.04.2018

[12] Лиссабонский договор. URL: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A12007L%2FTXT Accessed 2.04.2018

[13] 7-я Рамочная программа. URL: https://ec.europa.eu/research/fp7/index_en.cfm Accessed 10.04.2018

[14] Программа «Горизонт 2020». URL: https://ec.europa.eu/programmes/horizon2020/en/official-documents

инноваций». Бюджет исследований составляет 54 млрд евро, а в качестве основной цели обозначено завершение строительства ЕИП как структуры, которая позволит избежать дублирующего финансирования и концентрировать ресурсы на наиболее актуальных исследовательских направлениях. Определяющую роль в реализации программы играют Генеральный директорат исследований и инноваций, Исследовательское исполнительное агентство, а также Европейский исследовательский совет, который управляется комитетом ведущих европейских учёных, назначаемых по специальной процедуре, и выступает в качестве представительного органа европейского научного сообщества в системе институтов ЕС [Блинов, Талагаева 2014].

Помимо политических шагов значительное влияние на статус научного сообщества оказывали социально-экономические процессы, разворачивающиеся в последние два десятилетия. Под их давлением происходило смещение приоритетов в осуществлении научной политики. В Европе попытка детально охарактеризовать эти изменения была предпринята в рамках концепции «режима 2». Её авторы утверждают, что основными чертами современной науки являются ориентация на цели, заданные социальным контекстом; сосредоточенность исследователей на решении прикладных проблем; междисциплинарная организация научно-исследовательской работы. В результате тон в науке задают временные коллективы, собирающиеся для решения конкретных задач, имеющих социальный резонанс. «Режим 2» противопоставляется «режиму 1», доминировавшему в науке до 1980-х годов и характеризовавшемуся преимущественной ориентацией научного сообщества на собственные профессиональные интересы; постановкой задач исходя из приоритета приращения знаний; и устойчивой организацией учёных в рамках дисциплин [Gibbons et al. 1994; Nowotny et al. 2001].

Условия для перехода к «режиму 2» сложились в результате роста конкуренции в мировой экономике знаний, связанной с включением в неё новых стран. Единственным способом сохранения доминантного положения прежних лидеров оказались не сами технологии, а способность к их постоянному обновлению, что потребовало гораздо более тесного взаимодействия между предпринимателями и научным сообществом [Данилин 2011: 34].

Переход к «режиму 2» преподносится его сторонниками как объективная тенденция развития науки, однако в его осмыслении присутствует и заметный нормативный элемент. Исследователи высказываются в пользу более широкого внедрения этой формы производства научного знания. Положения концепции «режима 2» фактически заложены в условиях рамочных программ ЕС, которые нацелены на поддержку коллективов, демонстрирующих успехи в проведении прикладных, социально значимых исследований. При этом авторы работ, в которых она описывается, формируют верхний уровень научных администраторов, функционирующих на наднациональном уровне. В частности, Майкл Гиббонс провел восемь лет на должности генерального секретаря Ассоциации университетов Содружества Наций, Хельга Новотни занимала целый ряд различных должностей в европейских научных структурах, включая пост председателя Европейского консультативного совета по исследованиям при Еврокомиссии и пост президента Европейского исследовательского совета, а Питер Скотт в течение 16 лет был главным редактором наиболее влиятельного журнала в области высшего образования европейского издания «Times Higher Education».

Менее оптимистично изменения в научной политике последних лет описываются другой современной теорией – «академического капитализма», имеющей американское происхождение, но в настоящее время ставшей популярной и среди европейских исследователей.

Термин «академический капитализм» определяется авторами концепции следующим образом: «Усилия, имеющие характер рыночного поведения или поведения, ана-

логичного рыночному, которые организации или профессура прилагают к тому, чтобы обеспечить поступление средств из внешних источников, мы называем академическим капитализмом» [Slaughter, Leslie 1997: 8]. По их оценке, главная политическая причина, которая лежит за распространением рыночного поведения, – «возникновение в 1980-х годах в традиционных индустриальных странах глобального рынка, создающего условия, в которых меньше денег выделяется на функции социального обеспечения и образования и больше – на укрепление конкурентоспособности корпораций». В научной политике это проявляется в «смещении от фундаментальных или поисковых исследований к целевым, коммерческим или стратегическим» [Slaughter, Leslie 1997: 14–15].

Нормативные основы для академического капитализма были заложены комплексом изменений американского законодательства 1980-х годов. Переломным моментом стало принятие в 1980 г. пакета изменений к Закону о торговых марках и патентах, известному как «закон Бэя–Доула»[15]. Его главная новация заключалась в том, что он разрешил университетам присваивать коммерческие права на исследовательские результаты, полученные за счёт государственных средств. Прибыль, вырученная от продажи этих прав, поступала в бюджет университета. С целью заинтересовать учёных в патентовании практически сразу же установилась практика премирования авторов патентов, нашедших покупателя, в размере от 30 до 50% от суммы сделки. В дальнейшем закон Бэя–Доула послужил образцом для целого ряда аналогичных актов в других западных странах [Siepmann 2004].

Вместе с тем настоящая волна коммерциализации пришла в университеты, когда авторы патентов стали участвовать в компаниях, к которым эти патенты переходили, или даже выступать в качестве их учредителей. Как следствие, появился новый класс профессоров-миллионеров, тесно связанных с корпоративным сектором. Именно возникновение этого слоя предпринимательствующей профессуры и рост его влияния приводится в качестве одного из главных свидетельств в пользу установления режима академического капитализма.

В США академический капитализм стирает границы между государственным, частным и вузовским секторами и создаёт ситуации, в которых принадлежащие к ним организации оказываются вовлечены в новые формы отношений. Данная динамика, предопределённая структурой американской экономики, политическими особенностями и культурными традициями, во многих других странах не влечёт аналогичные результаты. По словам Ш. Слофер и Б. Кантвелла: «В США движение к рынку было равномерным, и его ведущей силой могли становиться самые разные негосударственные организации, часто обладающие тесными связями с коммерческим сектором и имевшие в своём составе представителей различных сегментов университетского сообщества ещё до того, как федеральные законы и акты сделали такое участие обязательным... Европейская комиссия занимается обратным конструированием англо-американских моделей высшего образования, пытаясь воспроизвести в уникальных европейских контекстах управленческие технологии, которые внедрили бы конкуренцию в политические меры, принимаемые на национальном уровне» [Slaughter, Cantwell 2012: 583].

Тем не менее развитие академического капитализма в США и ЕС движется по общим правилам. В первую очередь оно приводит к формированию новых организаций, играющих роль посредников между научным сообществом, бизнесом и государством. В современных условиях такие организации, как правило, ставят целью поощрение в научной политике неолиберальных подходов. Примером может служить созданный в ЕС в 2008 г. Форум выс-

[15] Закон Бэя–Доула о трансфере технологий от 1981 г. URL: http://www.finkredit.com/ammosov41.html

шего образования и бизнеса, в который вошли представители университетских администраций, корпораций, национальных торговых палат и Европейской комиссии и который занимался созданием нормативной базы для сближения университетов с коммерческими предприятиями[16].

К посредническим организациям также можно отнести экспертные комитеты Европейской комиссии. Наибольшее число комитетов функционирует при Департаменте исследований, на втором и третьем местах – Департамент окружающей среды и Департамент предпринимательства. Эти группы объединяют в своём составе представителей государственных, коммерческих и некоммерческих организаций. Как правило, в них входят эксперты, занимающие в своих организациях руководящие должности или же обладающие высоким научным статусом. Таким образом, в экспертных группах сосредотачиваются не просто специалисты по различным областям знания, а лица, способные влиять на процесс формирования и изменения своих дисциплин.

Большинство этих объединений начиная с 1970-х годов обосновывало внедрение особого дискурса «конкурентоспособности». Например, понятие «человеческий капитал» активно внедрялось в политический оборот созданным в 1974 г. Еврокомиссией Комитетом по образованию, целью которого стала интерпретация образования в качестве «профессиональной подготовки» и «обучения навыкам», способствующих сокращению безработицы, увеличению мобильности трудовых ресурсов и умножению вклада образования в европейскую экономику. К принятию Лиссабонской стратегии (2000) «конкурентоспособность» стала основополагающим понятием всей политики интеграционного объединения. Применительно к научному сектору её повышение трактовалось главным образом как расширение инновационных сетей. Сети такого рода понимались как горизонтальные объединения между субъектами, представляющими государственный, коммерческий и некоммерческий сектора, нацеленные на производство знания, которое пользовалось бы рыночным спросом. Ключевой характеристикой указанного взаимодействия стала слабая связь между секторами, осложняющая реализацию накопленного потенциала научных знаний.

Внутри самих научных организаций постепенно выделился блок подразделений, нацеленных на обеспечение их участия в новых формах инновационной деятельности. Такую функцию, в частности, выполняли центры трансфера технологий, которые начали быстро распространяться в американских университетах после принятия закона Бэя–Доула. В ЕС стимулом к созданию аналогичных подразделений послужили рамочные программы, поощрявшие выделение специализированных структур, обеспечивающих коммерциализацию разрабатываемых технологий. И в целом их распространение происходило в Европе при активной поддержке Еврокомиссии.

Возникновение новых подразделений напрямую связано с другой наблюдаемой тенденцией – ростом влияния университетских администраций. Она имеет прямое количественное выражение – рост доли административного персонала от общего числа университетских работников: к примеру, в Германии отношение профессорско-преподавательского персонала к административному составляет 37% к 63% [Rhoades, Sporn 2002]. Параллельно происходит сокращение доли преподавателей, работающих по бессрочным договорам, и увеличение числа временных сотрудников, которые остаются малозащищёнными в случае произвола администраторов. Другое значимое изменение в деятельности университетских администраций – сближение их структуры с организацией аппаратов коммерческих корпораций. Предполагается, что расширение участия университетов в рыночных процессах требует соответ-

[16] University –Business Froum. URL: https://ubforum-bulgaria.eu Accessed 14.04.2018

ствующего преобразования их административных органов.

4

Столь обширные изменения в организации вузов не могут не разделять научное сообщество на сторонников и противников перемен. Этот раскол проходит по линии, по одну сторону которой оказываются учёные, пользующиеся преимуществами нового режима, а по другую те, чьё положение он ухудшает. К первым относятся специалисты, работающие на стыке университетского и коммерческого секторов. Среди научных дисциплин наилучшие возможности с этой точки зрения предоставляют такие направления, как информатика, биотехнологии, инженерные науки, а среди социальных наук – экономика. Среди университетских подразделений в это поле попадает университетское руководство, а также все структуры, обеспечивающие связь с предпринимательским сектором. Среди организаций преимущества указанной реорганизации в наибольшей степени ощутили ведущие университеты, занимающие верхние строчки вузовских ренкингов. Вместе с тем эта группа представляет меньшинство научного сообщества. Для всех же остальных групп эти перемены означают ухудшение положения (в той или иной степени) по сравнению с тем, которое обеспечивалось прежними подходами к поддержке и организации науки.

Особенно резко смена режимов отражается на научном сообществе стран европейской части Евразийского континента. *Во-первых*, организация науки в Германии, Франции, Италии и целом ряде других стран заметно отличается от американской модели тем, что значительная часть исследовательских кадров сосредоточена в государственных НИИ, а университеты, на которые приходится относительно небольшой объём научной работы, обеспечиваются главным образом за счёт прямого государственного финансирования. *Во-вторых*, в европейских странах нет той традиции финансовой самостоятельности университетов и того опыта взаимодействия с корпорациями, которые предопределили быстрый переход американских учебных заведений в режим «академического капитализма». *В-третьих*, далеко не все страны ЕС имеют столь же развитый сектор «экономики знаний», как США, и соответственно, не могут рассчитывать на то, что всем университетам удастся найти подходящих партнеров для выстраивания новой модели финансирования [Балышев, Коннов 2016].

В то же время в цели научной политики практически всех европейских стран в той или иной форме включено формирование университетов, которые были бы способны участвовать в новом режиме взаимодействия. Более того, поддержка этого режима и участвующих в нём учебных заведений и коммерческих предприятий является одной из главных декларируемых задач научной политики ЕС. По свидетельству ряда исследователей, результатом этой политики становится выделение группы учёных, включённых в «транснациональный академический капитализм», противопоставляемых тем, кто остаётся за пределами новых форм сотрудничества и сохраняет связи с локальным контекстом. Определяющим для транснационального сотрудничества является поле технонауки, трактуемой Ш. Слофером и Л. Лесли одновременно как наука и продукт, стирающей разделение между знанием и товаром, так как знание становится товаром. Примеры технонауки – телекоммуникации и биотехнологии [Slaughter, Leslie 1997: 38]. Однако ими эта область не ограничивается. В эту же группу попадают физические и биологические исследования, проводимые в рамках производственных цепочек в какой-либо из динамично развивающихся отраслей; преподавание, которое предоставляется в форме коммерческой услуги и ориентировано на подготовку к работе в рамках определённого производственного процесса, и целый ряд других случаев, которые предполагают формирование в университетском контексте знания, способного сразу стать товаром. С учётом того обстоятельства, что технонаука существует главным

образом в электронной форме, обеспечивающей практически моментальное распространение, эта сфера по определению относится к глобальному полю, что позволяет говорить именно о транснациональном академическом капитализме.

По наблюдениям финского исследователя И. Кауппинена, сетевая основа академического капитализма сближает воспринявшие этот режим университеты с транснациональными корпорациями: «ТАК [транснациональный академический капитализм] дает ТНК возможность проводить исследования и разработки в рамках сложных транснациональных схем и передавать часть работ зарубежным университетам». Ряд исследователей уже в 1990-х утверждали, что связи между ТНК и их "национальной научной базой" ослабевают, особенно в малых странах, в связи с тем, что ТНК расширяют транснациональное сотрудничество с зарубежными центрами знаний. Таким образом, ТНК «имеют и возможность, и желание к установлению заграничных связей, особенно с университетами мирового уровня, которые благодаря этому интегрируются в трансграничные сети капитала». С точки зрения географии эти сети распределяются неравномерно. «...Для ТНК, которые располагают масштабной и высокоразвитой базой ИР в стране происхождения (например, в США), нет таких же серьёзных стимулов распылять существенную часть ведущихся ИР и инноваций, как для ТНК, происходящих из стран, в которых национальные инновационные системы менее развиты. Таким образом, в соответствии с этими взглядами для ТНК характерна неравномерная транснационализация экономических практик, основанных на знании, которая зависит от ресурсов знания в странах происхождения» [Kauppinen 2012: 549–550].

Отсюда очевидно, что в научных сообществах европейских стран часть учёных ориентирована на участие в науке, связанной с ТНК и университетами «мирового уровня» и протекающей в значительной степени за пределами пространства их страны. По мнению Кауппинена, их можно охарактеризовать как «информационную фракцию транснационального капиталистического класса». Основываясь на теориях Л. Склера и В. Робинсона [Robinson 2004; Sklair 2000], он полагает, что материальную основу для выделения особого транснационального капиталистического класса составляют такие феномены, как производственные цепочки, разнесённые по ряду стран, круглосуточные финансовые торги и другие глобальные новации последних десятилетий. Благополучие этого класса прямо зависит от функционирования подобных транснациональных сетей. В его же информационную фракцию входят те представители класса, которые заняты главным образом коммерческими операциями со знанием, и учёные включены в эту фракцию в той степени, в которой вовлечены в эти операции.

В научных сообществах европейских стран основными участниками транснационального капиталистического класса выступают учёные, работающие преимущественно в небольшом числе университетов, которые занимают ведущие строчки университетских ренкингов и активно сотрудничают с ТНК. Их исследования относятся к областям науки, связанным с высокотехнологичными разработками в рамках информационно-коммуникационного сектора, биотехнологиями, высокотехнологичными сегментами энергетики, транспорта и других отраслей, а также с частью социогуманитарного сектора, вовлечённого в формирование идеологии глобальной «экономики знаний» [Талагаева 2014: 158].

Согласно Ш. Слофер и Г. Роадсу, в настоящее время практически все ведущие университеты тесно связаны с корпорациями – в качестве главного способа упрочения таких связей рассматривается участие корпоративных представителей в попечительских советах [Slaughter, Rhoades 2003]. В свою очередь, итальянские исследователи С. Бреши и Л. Кусмано постулируют, что инструментом вовлечения ведущих университетов в схожую сеть корпоративных связей служат совместные исследова-

тельские предприятия, финансируемые за счёт европейских рамочных программ исследований и технологического развития [Breschi, Cusmano 2004].

Участие в этой сети открывает учёным доступ к мощнейшей лоббистской системе, функционирующей в Брюсселе. По словам политического журналиста Д. Кронина: «Брюссель – ключевой плацдарм для корпоративной армии. По общему мнению, за исключением Вашингтона, в Брюсселе наблюдается самая высокая в мире концентрация лоббистов, по разным оценкам, составляющая от 15 000 до 30 000 человек. Однако более показательно, чем общая численность, то, что две трети этих представителей работают в интересах частного сектора» [Cronin 2013: 2]. И связи университетов с транснациональными корпорациями, на интересы которых работает эта «армия», делают их одним из выгодоприобретателей её – колоссального, по оценке Кронина, – влияния на политику ЕС.

Вместе с тем связь университетов мирового уровня с политическими структурами Европы возникает не только благодаря посредничеству транснациональных корпораций и их лоббистов. В самой природе Европейского Союза как наднационального образования, созданного главным образом в целях поддержки общеевропейских акторов, способных действовать в международном поле, заложен потенциал конфликта с национальными государствами и с теми группами, выразителем интересов которых они служат. Более того, Европейские сообщества формировались при поддержке США, видевших в них в том числе возможность расширить экономические возможности для американских корпораций. Юридическая основа единого европейского рынка гораздо более полно воспроизводит неолиберальную идеологию, выраженную нормами «Вашингтонского консенсуса», чем экономические режимы государств-членов. Всё это заведомо сближает структуры ЕС с транснациональными акторами и противопоставляет его акторам, укоренённым в национальных политических и экономических структурах.

* * *

Научная политика ЕС ориентирована главным образом на поддержку определённого сегмента сообщества учёных, определяемого им в качестве европейского научного сообщества. Последнее не является объединением всех учёных европейских стран, а представляет собой особую фракцию, обладающую собственными интересами, связанными с развитием поля глобальной науки и технонаукой как специфическим видом научной деятельности. Формирование общеевропейской научной политики и возникновение особых научных институтов на уровне ЕС означало институционализацию именно этой группы, подтверждением чему служит совпадение, с одной стороны, её интересов – в том виде, как они оцениваются с позиций теорий «академического капитализма» и «транснационального капиталистического класса» – и, с другой, приоритетов главных научно-технических программ ЕС.

Это совпадение вряд ли можно расценить как случайность. Европейское научное сообщество демонстрирует свойства, позволяющие охарактеризовать его как политического актора. Это действительно сеть экспертов, влияние которых основано на обладании научным знанием и которые имеют возможность выдвигать собственные экспертные заключения по политически значимым вопросам. Примеры такого рода заключений можно найти в политических документах [European Commission 2012], публичных заявлениях [The European Union 2017] и, среди прочего, в социальной теории, как в случае с концепцией «режима 2». В конечном счёте влияние этой группы находит отражение и в научно-технических программах ЕС, которые прицельно ориентированы именно на ту область науки, которая составляет сферу интересов этой группы учёных. Выразителями именно этих интересов становятся европейские научные институты, главным среди которых является ЕИП.

Список литературы

Байков А.А. «Сообщества идентичности» в условиях межстрановой интеграции [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2014. № 1 (январь — февраль). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/1/Baykov_Identity-Communities/

Байков А., Истомин И. Сравнительные особенности отечественных и зарубежных научных журналов// Международные процессы.2015. №2. С.114-140.

Балышев А.В., Коннов В.И. Глобальная наука и национальные научные культуры: трудности сопряжения // Международные процессы. 2016. №3. С. 96-111.

Блинов А.Н., Талагаева Д.А. Научное сообщество как политический актор: роль международных научных объединений // Полития. 2014. №1. С. 174-183.

Водяницкая Е.А. Регулирование экспертизы научных проектов в Немецком научно-исследовательском сообществе // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 5. С. 227-234.

Данилин И.В. Современная научно-техническая политика США: инструменты и основные направления. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 140.

Каарбо Дж., Бизли Р. Практическое руководство по применению метода case study в политической психологии // Политическая психология / Сост. Е.Б. Шестопал. М.: Инфра-М, 2002. С. 23-53.

Касаткин П.И., Талагаева Д.А. ЦЕРН и Евратом как модели наднациональных структур//Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 12 (102). С. 120-124.

Коннов В.И. Национальные фонды поддержки науки как форма научного самоуправления // Власть. 2007. №9. С. 25-29.

Коннов В.И. О государственных научных фондах // Российский экономический журнал. 2009. № 6. С. 95-101.

Лебедева М.М. Акторы современной мировой политики: тренды развития // Вестник МГИМО-Университета. 2013. №1. С. 38-42.

Талагаева Д.А. Формирование Европейского научного пространства: подходы скандинавских стран: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М.: МГИМО, 2016.

Талагаева Д.А. Норвегия: государственная научная политика//Полис. Политические исследования. 2014. № 1. С. 155-165.

Торкунов А.В. Российские ВУЗы в процессе интернационализации: вызовы и приоритеты// Международные процессы. 2017. №1. С. 6-12.

Юревич А.В. Имеет ли наука национальные особенности? // Психологический журнал. 2015. №1. С. 123-132.

Breschi S., Cusmano L. Unveiling the Texture of a European Research Area: Emergence of Oligarchic Networks under EU Framework Programmes // International Journal of Technology Management. 2004. Vol. 27, No. 8. P. 747-772.

Council of the European Communities. Decision of the Council of 28 September 1987 concerning the framework programme 1987-1991, Annex III // Official Journal of the European Communities, 24 October 1987.

Cronin D. Corporate Europe. London: Pluto Press, 2013.

European Commission. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. A Reinforced European Research Area Partnership for Excellence and Growth. Brussels, 17.7.2012. COM(2012) 392 final.

Commission of the European Communities. Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, the Economic and Social committee and the Committee of the Regions. Towards a European research area. Brussels, 18.1.2000. COM(2000) 6 final.

The European Union and Universities: The Central Role of Knowledge. URL: http://www.leru.org/index.php/public/news/the-european-union-and-universities-the-central-role-of-knowledge/

Gibbons M., Limoges C., Nowotny H., Schwartzman S., Scott P., Trow M. The Production of Knowledge. London: Sage, 1994.

Haas P. Policy knowledge: Epistemic communities // International encylclopedia of the social and behavioral sciences / ed. by Smelser N., Baltes P. Oxford: Elsevier Science Ltd, 2001.

Holzner B., Marx J. Knowledge application: The knowledge system in society. Boston: Allyn & Bacon, 1979. P. 107-111.

Kauppinen I. Academic Capitalism and the Informational Fraction of the Transnational Capitalist Class // Globalization, Societies and Education. 2013. Vol. 11. P. 1-22.

Kauppinen I. Towards Transnational Academic Capitalism // Higher Education. 2012. Vol. 64. P. 543-556.

Keohane R.O., Nye J.S. Transnational relations and world politics: An introduction. // International Organization. 1971. Vol. 25, No. 3. P. 329-349.

Krige J. American Hegemony and the Postwar Reconstruction of Science in Europe. Cambridge: M.I.T. Press, 2006. P. 4-9.

Nowotny H., Scott P., Gibbons M. Re–thinking Science. Cambridge: Polity Press, 2001.
Rhoades G., Sporn B. New models of management and shifting modes and costs of production: Europe and the United States // Tertiary Education and Management. 2002. No. 8. P. 3–28.
Robinson W. A Theory of Global Capitalism. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2004.
Rosenau J. Turbulence in world politics: A theory of change and continuity. Princeton University Press, 1990.
Siepmann T.J. The Global Exportation of the U.S. Bayh–Dole Act // University of Dayton Law Review. 2004. Vol. 30, Issue 2. P. 209–243.
Sklair L. The Transnational Capitalist Class. London: Oxford: Blackwell, 2001.
Slaughter S., Cantwell B. Transatlantic Moves to the Market: The United States and the European Union // Higher Education. 2012. No. 5. P. 583–603.
Slaughter S., Leslie L. Academic Capitalism. Politics, Policies and the Entrepreneurial University. Baltimore: The John Hopkins University Press, 1997.
Slaughter S., Rhoades G. Academic Capitalism and the New Economy. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2003.
Touraine A. A method for studying social actors // Journal of World–Systems Research. 2000. VI, 3 P.23.

EUROPEAN ACADEMIC COMMUNITY AS A POLITICAL ACTOR

HISTORICAL EVOLUTION AND INSTITUTIONAL FOUNDATIONS

DARIA TALAGAEVA
MGIMO University, Moscow 119454, Russia

Abstract

The article examines the evolution of the European academic community as a distinct political actor. The recent political studies are characterized by the broadening of the understanding of actorness. It is attributed not only to transnational corporations and other non-state organizations, but also to epistemic communities (which represent associations based on the common knowledge). Therefore, groups of scholars in cases when they are represented by designated institutions, acting on their behalf and engaged in political process, could also be seen as actors. In order to define European academic community as an international political actor it is essential to identify organizations acting on its behalf similarly to the national associations representing groups of scientists within individual countries. Institutions of scientific policy of the European Union emerged as such organizations. The rise of this policy was defined by an attempt not only to form a transnational community of scientists, but also to set it against national academic communities within the EU Member-States. It was supplemented by the expansion of the American model of production of the organization of science. Those academics which attempted to operate in transnational environment of the EU appeared to be more open to the practices imported from the United States.

Currently the European structures of the support of academic activity are integrated in the European research community. The latter becomes a major pillar for scientists predominantly associated with other transnational actors, which characterize them as the most globalized part of the academic population. The article localize, therefore, European research community as a group of specialists, who possess their distinct interests; retain the widest connections with global economy; rely on their own institutional structures; and elaborate their own discourse, related to the "knowledge economy".

Keywords:

scientific policy; academic community; European research space; framework programs.

References

Baikov A.A. (2014). *"Soobshchestva identichnosti" v usloviiah mezhstranovoi integratsii* ["Identity Communities" in the Conditions of Cross-Country Integration] [Elektronnyi resurs] // Informatsionnyi gumanitarnyi portal "Znanie. Ponimanie. Umenie". №1. Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/1/Baykov_Identity-Communities/

Baikov A., Istomin I. *Sovremennye osobennosti otechestvennyh I zarubezhnyh nauchnyh zhurnalov* [Russian and International Publication Practices]// // Mezhdunarodnye protsessy. 2015. No. 2. P. 114-140.

Balyshev A.V., Konnov V.I. (2016). Global'naya nauka i natsional'nye nauchnye kul'tury: Trudnosti soprayzheniay [Global academia and national research cultures: points of contention] // *Mezhdunarodnye protsessy*. No. 3. P. 96-111.

Blinov A.N., Talagaeva D.A. (2014). *Nauchnoe soobshchestvo kak politicheskii actor: Rol' mezhdunarodnyh nauchnyh ob"edinenii* [Scientific Community as a Political Actor: The Role of International Scientific Associations] // Politiia. №1. P.174-183.

Vodianitskaia E.A. (2012). *Regulirovanie ekspertizy nauchnyh proektov v Nemetskom nauchno-issledovatel'skom soobshchestve* [Peer Review Regulation in the German Science and Research Association] // Vestnik MGIMO-Universiteta. № 5. P. 227-234.

Danilin V.A. *Sovremennaya nauchno-tehnicheskaya politika SSHA: instrumenty I osnovnye napravleniya* [Modern US research policy: instruments and trends], 2011, M.IMEMO RAN, P.140.

Kaarbo J., Beasley R. (2002). *Primenenie sravnitel'nogo metoda case study v politicheskoi psikhologii* [A practical guide to comparative study method in political psychology] // Politicheskay psikhologia / ed. by E.B. Shestopal. Moscow: Infra-M.

Kasatkin P.I., Talagaeva D.A. *CERN I EVRATOM kak modeli nadnatsionalinyh struktur* [CERN and Euratom as supranational structures] //Etnosotsium i mezhnatsionalinaya kultura. 2016, #12 (102) , P.120-124.

Konnov V.I. (2007). Natsional'nye fondy podderzhki nauki kak forma nauchnogo samoupravleniia // Vlast'. № 9. P. 25-29.

Konnov V.I. (2009). O gosudarstvennyh nauchnyh fondah // *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal*, 2009. № 6. P. 95-101.

Lebedeva M.M. (2013). *Aktory sovremennoi mirovoi politiki: trendy razvitiia* [Actors of Contemporary World Politics: Trends of Development] // Vestnik MGIMO-Universiteta. №1. P. 38-42.

Talagaeva D.A. *Formirovanie Evropeiskogo nauchnogo prostranstva: podhody skandinavskih stran* [The Emergence of the European Research Area: the Approaches of the Scandinavian Countries] // Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata politicheskih nauk. M: MGIMO, 2016.

Talagaeva D.A. Norvegiya: gosudarstvennaya nauchnaya politika [Norway: State Sceince Policy]// Polis. Politicheskie issledovaniya. #1. 2014. P.155-165.

Torkunov A.V. Rossiiskie VUZy v protsesse internatsionalizatsii: vyzovy I prioritety [Internationalization of a University as a Challenge] // *Mezhdunarodnye protsessy*, #1, 2017, P.6-12.

Iurevich A.V. (2015). *Imeet li nauka natsional'nye osobennosti?* [Does Science Have National Peculiarities?] // Psihologicheskii zhurnal. № 1. P. 123-132.

Breschi S., Cusmano L. (2004). Unveiling the Texture of a European Research Area: Emergence of Oligarchic Networks under EU Framework Programmes // International Journal of Technology Management. Vol. 27, No. 8. P. 747-772.

Council of the European Communities. (1987). "Decision of the Council of 28 September 1987 concerning the framework programme 1987-1991", Annex III // Official Journal of the European Communities.

Cronin D. (2013). Corporate Europe. London: Pluto Press.

European Commission. (2012). Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. A Reinforced European Research Area Partnership for Excellence and Growth. Brussels. COM (2012) 392 final.

Commission of the European Communities. (2000). Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, the Economic and Social committee and the Committee of the Regions. Towards a European research area. Brussels. COM(2000) 6 final.

The European Union and universities: The central role of knowledge. URL: http://www.leru.org/index.php/public/news/the-european-union-and-universities-the-central-role-of-knowledge/

Gibbons M., Limoges C., Nowotny H., Schwartzman S., Scott P., Trow M. (1994). The Production of Knowledge. London: Sage.

Haas P. (2001). Policy knowledge: Epistemic communities // International encylclopedia of the social and behavioral sciences / ed. by Smelser N., Baltes P. Oxford: Elsevier Science Ltd.

Holzner B., Marx J. (1979). Knowledge application: The knowledge system in society. Boston: Allyn & Bacon. P. 107-111.

Kauppinen I. (2013). Academic Capitalism and the Informational Fraction of the Transnational Capitalist Class // Globalization, Societies and Education. Vol. 11. P. 1-22.

Kauppinen I. (2012). Towards Transnational Academic Capitalism // Higher Education. Vol. 64. P. 543-556.

Keohane R.O., Nye J.S. (1971). Transnational relations and world politics: An introduction. // International Organization. Vol. 25, No. 3. P. 329–349.
Krige J. (2006). American Hegemony and the Postwar Reconstruction of Science in Europe. Cambridge: M.I.T. Press. P. 4–9.
Nowotny H., Scott P., Gibbons M. (2001). Re-thinking Science. Cambridge: Polity Press.
Rhoades G., Sporn B. (2002). New models of management and shifting modes and costs of production: Europe and the United States // Tertiary Education and Management. No. 8. P. 3–28.
Robinson W. (2004). A Theory of Global Capitalism. Baltimore: The John Hopkins University Press.
Rosenau J. Turbulence in world politics: A theory of change and continuity. Princeton University Press, 1990.
Siepmann T.J. (2004). The Global Exportation of the U.S. Bayh-Dole Act // University of Dayton Law Review. Vol. 30, Issue 2. P. 209–243.
Sklair L. (2001). The Transnational Capitalist Class. London: Oxford: Blackwell.
Slaughter S., Cantwell B. (2012). Transatlantic Moves to the Market: The United States and the European Union // Higher Education. No. 5. P. 583–603.
Slaughter S., Leslie L. (1997). Academic Capitalism. Politics, Policies and the Entrepreneurial University. Baltimore: The John Hopkins University Press.
Slaughter S., Rhoades G. (2003). Academic Capitalism and the New Economy. Baltimore: The John Hopkins University Press.
Touraine A. (2000). A method for studying social actors // Journal of World-Systems Research. VI, 3.